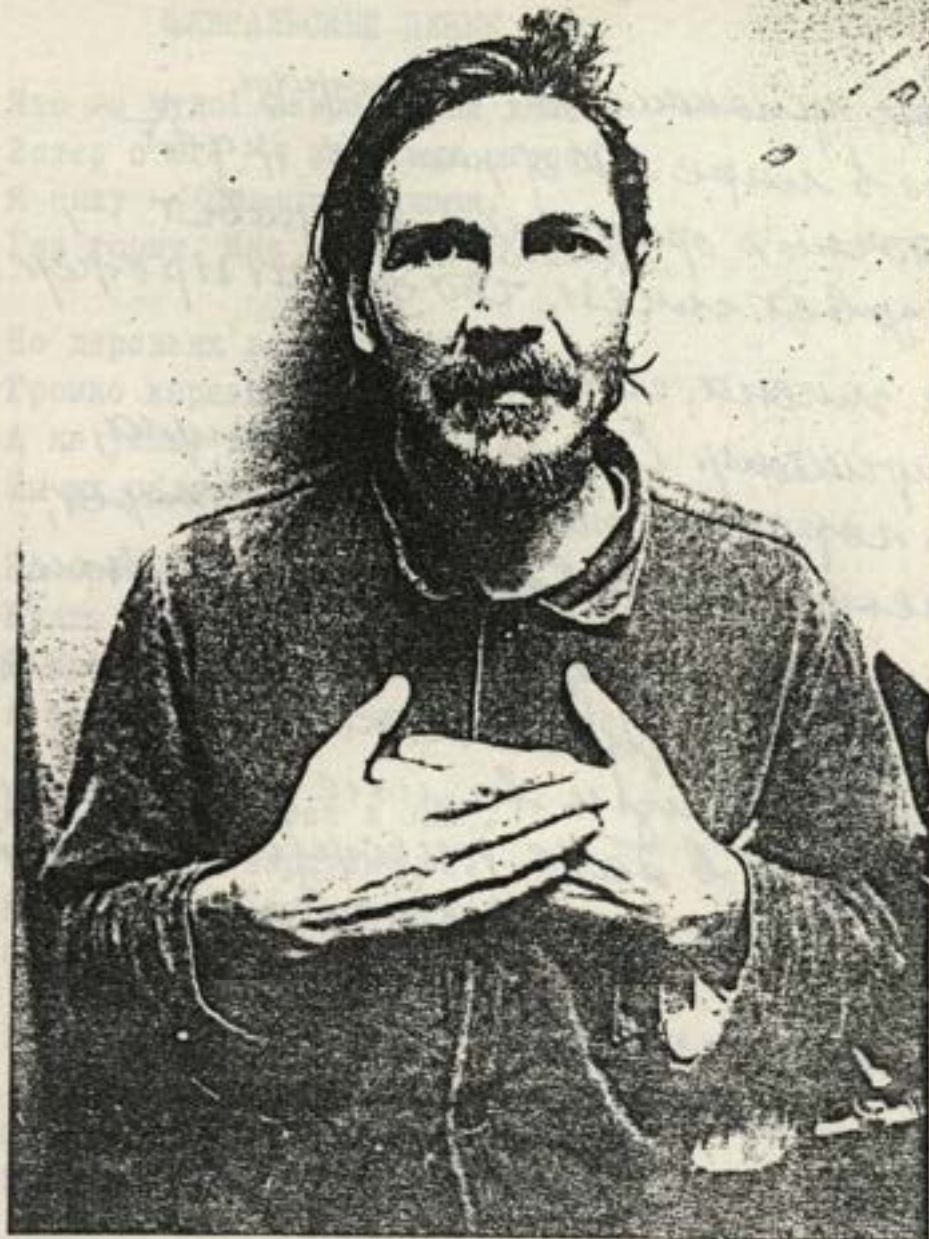

О Л Е Г
О Х А П К И Н

ИЗ К Н И Г И

Л и р а
П р е с в я т о й
Д е в ы

А так же из
а р х и в о в

И сердце устало. Когда-то
И тихо в мире. Молча не ждёт
Несбыточных ожиданий, но ждёт
И не зовёт ни к чему, что знала прежде.

Мне мила, мне оны.
И к миру. Судьба не обманула,
Лишь горького по сердцу садыра,
И с нею мы живём теперь оны.

Ещё жила, ещё не завершилась,
Ввергая сердце тайнство своё,
И только жизнь во мне пережилась,
И вину и в беде погрязшимость,
Благоговящая всё, что касается.

И сердце трогает и терпенье
Примосит верно козгис моря:
Сладость и правду, свет и разумея,
И не боится горя и беды,

Но ведает правдивое и участие.
И горит всех, кого в себе находит,
Ведь и беды когда-нибудь пройдут
И прояснится целый мир и счастье.

Так солнце нагнетает восток
И смитая тем, кто разведет достояние.
Трагедия революции и войны,
И наша просветляющая невзгода.
Бедра не подергает красоту.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЕК

Что за чудо! Февральский денек.
Ветер с юга — из южных степей.
Я сижу — одинок, одинок.
Газ горит. Мне тепло. Так теплей.

На деревьях вороны сидят —
Громко каркают. Весело им.
А на улице дети галдят.
Мы их радостно благословим.

На снегу как чернеет народ,
Будто пятнами видится снег.
В храме пенье. Там служба идет.
А во мне сладость творческих нег.

И береза пестреет в окне.
Чуть качает верхушку ее.
Я сижу при лазурном огне.
Сердце тайно молитву поет.

Где-то выхлоп. Наверное там
Мчится снегом автомобиль.
Снег белеется. То — красота.
Видно Бог нам с зимой пособил.

И проходит февральская тень.
То под тучами стелется дым.
Что за чудо — спокойствия день —
Как чернеют деревья в ряды.

Не спешит на тропинке народ.
До весны ведь рукою подать.
И со мной человеческий род —
На снегу. Мне из окон видать.

И деревья, вороны со мной,
Храм, что золотом светит вдали.
Заиграл музыкант за стеной,
И сосулек блестят хрустали.

Я один. Но вселенная мне
Отвечает молчанием звезд.
Уж темнеет. Береза в окне
К небу тянется — белая в рост.

Я курю. Одному хорошо.
Наслаждению нету помех.
День февральский как чудо прошел.
В небе — звезды. На женщинах мех.

И гляжу я на женщин в окно,
Хоть не вижу я их красоту,
Мне от них наслаждение дано.
Как люблю их смотреть простоту.

Им тепло на снегу. Южный ветер
Обдувает снежинки у ног,
И обтянутый икор осетр
Уловим средь иных недотрог.

Мне приятно на женщин глядеть.
Что за чудо — февральская мгла.
Тайну сердца мне некуда деть.
Темень оумерек все облетела.

И под форточкой открытой курю.
Ускачет автобус внизу.
День проходит по календарю.
Жаль, что женщины и другим уездут.

Исчезают горюхи с деревьев.
На дороге мне шины шуршат.
И видна самой лучшей из дев
В небе звездочка. Как хороша.

И в прорывах меж тучами свет
Мне о лучшей из дев говорит.
Мне спокойно. Я зритель-поэт.
А звезда лишь для сердца горит.

В сердце тайна, и светится в нем

Образ мира, его красоты.
И звезда серебристым огнем
Мне подскажет что чувствуешь ты.

Я один. Ты со мной вдалеке.
Поскорей бы пришла. Я один.
И уходит денек налетке.
Я молчаньем его проводил.

1992

ФЕВРАЛЬ

Вот и февраль. Судьбы России.
Проговорили. Нищая чернь.
Поговорили о нашем Мессии,
О вертухаче русских очей.

И прозевали волю народа —
Установили красный террор.
Блок-то в Петрухе глядел как в воду.
Заупокойный клироса хор.

В доме Ипатьева так порешили
Брызнуть кровью царской семьи.
Но пережили — сроки пришли
Русской жестокости братья мои.

Что же такое дух тот народный?
Эх, прозевали за коньяком.
Рассеяли, колопши, полуприродный,
Ленской похотью к аду влечом.

Надо ж — зарезать полправославья
И вникновенно свалить на жидов.
А позабыли — пели ж "Коль славен".
Ох, до чего же был наш бредов!...

Но и попались. Бог-то распятый
В Гефсимании был погребен.
И оказался колонной пятой
В нищей России до наших времен.

Но и такую, моя Россия,
Ты мне прискорбна паче других.
Не о поэтах — сам я разиня.
О феврале я — о мухах пурги.

Флаг наш трехцветный —
То ли голландский,
То ли торговый... Эх, без креста!
Синий платочек такой заветный.
Строчит пулеметчик прямо в Христа.

Эх, в жемчугах Он и в белых розах —
С флагом кровавым — вам говорят..
То ли Астарта, то ли мимоза...
То — атрибуты наших наяд.

Женственный образ. Так порешили
И написали — просто матрос.
Но ведь и это мы пережили,
И оказалось — распят Христос.

Эх, говорили ж! — Лучше не надо.
Да не валить же все на жидов.
Вот и воскресни из русского ада —
Из опустошенного Ленинграда.
Санкт Петербург нам снова готов.

1992

НА КРЕЩЕНЬЕ

Жжет морозец и искрится снег.
Тусклым золотом светят кресты.
Скрип дорожки и санок разбег.
Выси неба лазурно чисты.

В храме пенне и благодать —
Освящение вод естества.
Далеко на морозе видать.
В храме благовест — глас Божества.

В храм войду, где молебен и свет,
Где стоит православный народ.
Исполняется Новый Завет.
Храм-корабль как в небо плывет.

И от пения слезы идут.
На земле прославляется Бог.
Светят храмы земле там и тут
Посреди оснеженных дорог.

И снежок серебрится кругом.
И в лазури как светится храм.
И детишки на горку бегом —
Там пестрит все от саночных рам.

И на сердце так тихо-светло.
Теплят свечи молитвы тепло.
И от пения слезы в очах.
Светит радостью храм при свечах.

1992

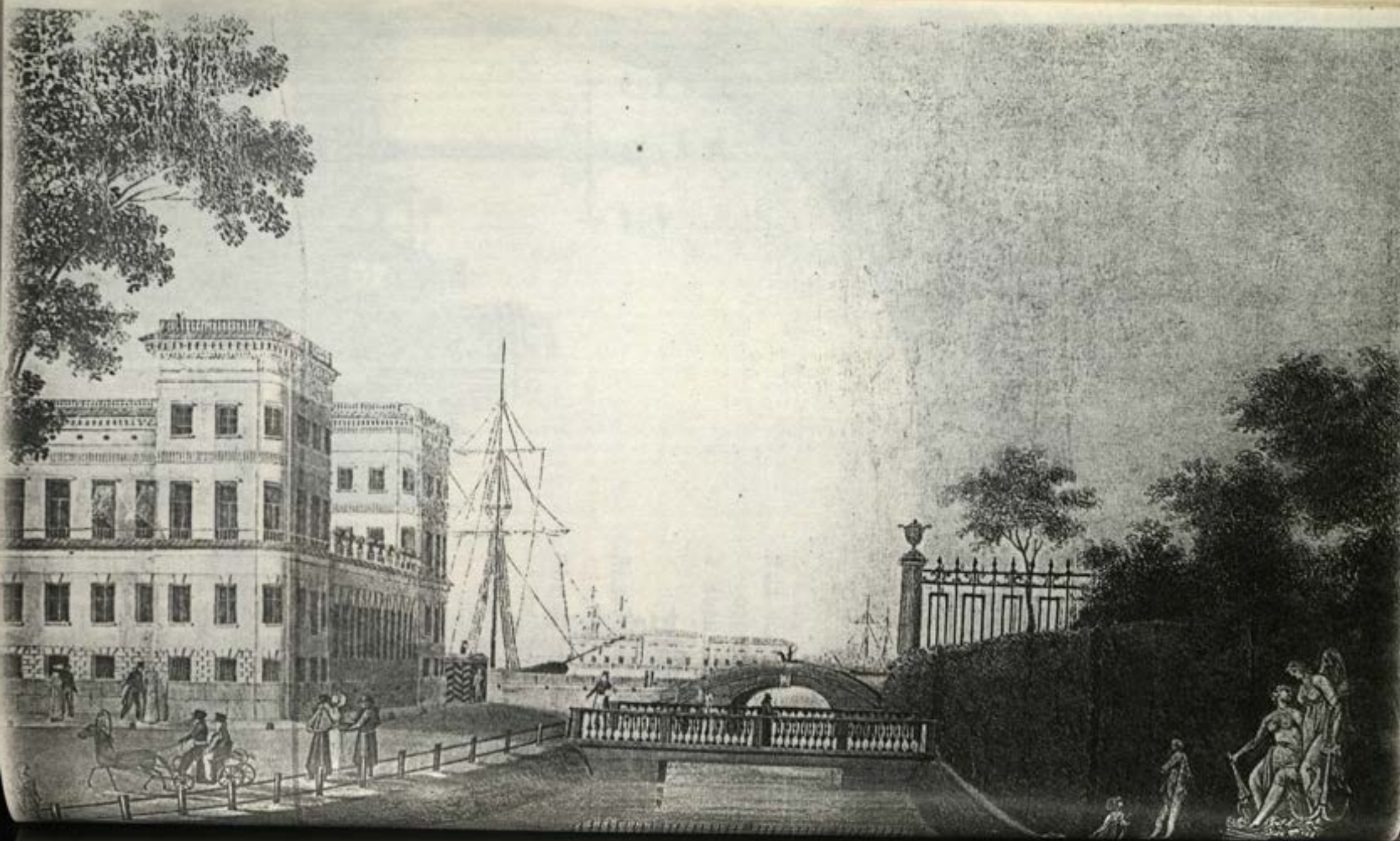
С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г

Далеко подо льдом Нева
И в снегу ее острова.
Петропавловский в небо шпиль
Чеземную поведал быль.

Ангел грозный летит с трубой,
Вызывая нас всех на бой
С сатанинским кочадьем. Ночь.
Спят одна и другая дочь.

Я сижу за столом, курю,
О спасении говорю.
Что же делать, курящий я.
Такова уж судьба моя.

Сохраняет Он город наш
Для России, ее оудеб.
Ведь когда-то здесь плыли аж
К Александру Борис и Глеб.

И небесный патрон вернул
Нам святое имя свое.
И народ стать иным рискнул —
Всю Россию стоять зовет.

Так стоит на костях наш град.
И, блокадников сын, я рад
О спасеньи братских могил.
Там я деда ведь схоронил.

Звать его Иоани. Он жив.
Он у Бога Христа живет.
Раскулаченный, был он сив —
Стал седой и во мне поет.

А на Южном — бабушка, мать.
Еле видны на плитах кресты.
Жаль мне деда не отыскать.
Над дядьями растут кусты.

И один из них — Иоани —
Тот от немца убит — в раю.
Помню их. Тоже вам
С своих тот совет даю.

Все мы — грешники. Питер нас
За обедней помянет.
О спасеньи прошу. Мой слез
Вас настигнет как птицу влет.

Ведь открыты храмы теперь.
Сам видал — открывают дверь,
Чтобы каждый вошел с рублем.
Вот об этом мы и поем.

Ангел сбор над Невой трубит.

Подымайся, русский народ —
Поклонись и крестам тех плит
У кладбищенских в небо ворот.

Наши сродники ждут молитв,
А не митингов и не битв
За какое кресло еще.
Ангел воинским бьет плащом.

За бессмертье сражайтесь. Так
Завещаю, пока я жив.
Над столицей электроток,
Адским пламенем — миражи.

Желтым заревом бьют огни.
А на трубах красный сигнал.
Питер, Господи, вспомяни,
Чтобы весь на молитву встал.

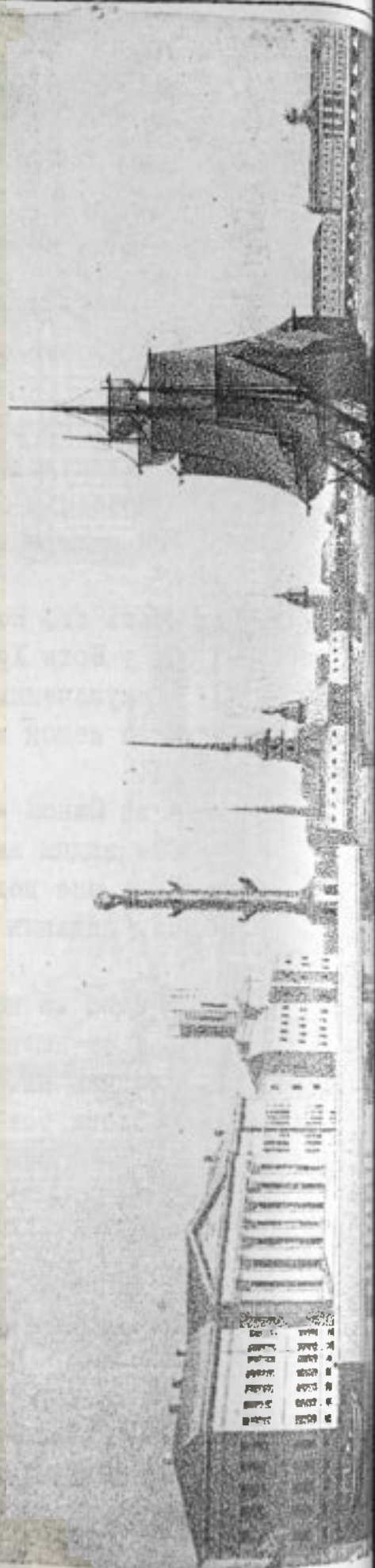
И Россия тогда пойдет
За столицей духовной. Здесь
Кровь болотом стоит поднесь.
За Россию битва идет.

Посмотрите 600 секунд —
Как столицу терзает враг.
Да — секунды бегут, бегут,
Исчисляя кто мертв, кто наг.

Но о Церкви хочу сказать.
Понимайте Ее с колен.
Хватит Деву жгутом вязать.
Вся Россия — церковный плен.

Впрочем, голос Ее в ушах.
И ликует моя душа.
В Петербурге опять кресты.
И кто скажет — глаза пусты.

Петербургу пусту не быть.
Ведь под ним есть гранитный крест.

Мне геолог поведал. Жить
Город должен средь русских мест.

О спасеньи горечь моя.
Тут не дамба, а Сам Господь.
И открыты храмы стоят,
Собирая и дух, и плоть.

Исаакий колоколов
Ждет на площади, где наш флаг.
То-то будет детей улов.
Ведь Апостол с сетями наг.

Дорогой наш Апостол Петр,
Где твой праведный епендит?
Видишь Кто к рыбалям грядет.
У тебя несерьезный вид.

Надо к Богу пускаться вплавь,
Чтоб крестили наших детей,
Чтобы тело явило сплав
Нетопимый вблизи сетей.

Сам я брошусь с тобой к Христу,
Чем уж есть препоясав срам
О Великом нашем посту,
Чтобы тело омыть как храм.

Скоро Пасха. Колокола
Возвестят нам о Боге. Он
Воскресает в нас пополам
С нашим телом. Таков закон.

Благодатью он срастворен.
Верю я -- Воскресенье есть.
Сам Господь восстал из пелен
И ликует в стихе моем.
Потрудитесь его прочесть.

1992

НА СРЕТЕНЬЕ

Все спокойно. Ясное утро.
Мир духовный в душе, во мне.
Галоп вскрик так похож на уток.
Голос мой о февральском дне.

День погожий. Снега сияют,
Отражая лазурь несея.
Ребячишки. Собаки лают.
Солнце светит как дымку чрез.

На востоке, где город, хмуро.
Там туманом нависший смог.
И горланят вороны хором.
В них играет Младенец Бог.

+++++
+++++

В церкви Сретенье. Солнце правды
Там поют. Подпеваю я.
И Младенцу вороны рады.
Видно церковь у них своя.

Дым клубится. Легчайший ветер —
Тихий вест выдыхает пар.
Свет премирный на белом свете,
И горланят вороны кар.

Ребятишки на горку лезут
И кричат, веселя свой дух.
Кувыркаясь, собачка резво
Прах вздымает, вся — зренье, слух.

Позовут ее и залает.
Видно церковь у всех своя.
Даже дочка от нас узнает —
Нынче праздник, радуюсь я.

И жена поглядит прилежно —
Что такое я описал.
Прислонюсь к ней тепло и нежно
И за окнами белоснежный
Покажу февраля кристалл.

1992

Р С С С И Я

Постится Россия — крестьянские наши двory.
Народ обессилел, да жаль детворы.
Что светит кормильцу? — Земельный надел.
А чем обработать? Народ так хотел.
Да — все впереди — нищета, безлошадность и пот.
Но Ты не оставь нашу землю, Господь!
Чтоб храмы народу как прежде вернуть,
Чтоб светлый открылся земле нашей путь,
Чтоб мы попостились, но хлеба хоть вдоволь нам дал,
И наши сердца, нашу землю не покидай.
Мы всё пересилим. На то мы и родились.
Чтоб сено косили, чтоб славно хлеба поднималось.
Земля чтоб народу, народ же земле.
Чтоб дети спевали спасибо родимой семье,
Что подняли их и поставили на ноги. Бог
Чтоб нас не оставил, избавил голодных тревог,
Чтоб свет на Руси возродился и в душах у нас.
Чтоб землю мою обогрел воскрешающий Спас.
И благословенье на нас исполни,
Чтоб небо и землю, и родину в сердце нашли.

1992

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Тишина у подножия Мира.
Все уснули. Но сердце не спит.
Что-то дается в безднах эфира
И искрит петербургский гранит.

Величаво Нева подымает
Под мостами белесые льды.
И душа как во сне понимает
Что творится у самой воды.

Там слонится февральское время —
Петербургская спящая ночь.
И мое среднерусское семя —
Спят одна и другая дочь.

И обеих люблю я. Малютки
Петербургские. Бог их храни.
И меж ними не сплю в промежутке,
Разослав их в квартиры родни.

Мне не спится. Россия большая
За моим освещенным окном.
И береза качает сквозная
Свои ветки, грустя о родном.

Нелегка ныне участь России,
Но как с неба божественный свет
Озаряет проселки иные
И душе посылает привет.

И гляжу — за окном мирозданье.
Ясно звезды в пространстве горят.
И душа моя храму, простая,
Посылает легчайший взгляд.

Помоги нам, о Боже великий —
Даруй хлеба довольно и сил,
Чтоб детей мы ко храму Владыки
Привели, как и Ты нас просил.

Чтоб Россия вполне возродилась
Снова крепкою стала, как дух,
Чтоб вернулись надежда и милость,
И прошел о нас праведный слух.

Чтобы мир нам помог наши храмы
Возродить и родные поля,
Чтобы в душах не было сраму
И посекрела от крови земля.

Чтобы спорились труд и торговля
На большие живые рубли,
Чтобы каждому место и кровля
И в портах всех земель косяли.

Чтоб грядущее детям открылось
Не такое, как выпало нам,
Чтоб Царица как с неба явилась
И покров Свой незримый развила
Над землею, где свят Ее храм.

Так молюсь под звездой высокой

И стихи для России пишу,
Озаренный надеждой глубокой
И молитвенно в небо дышу.

И как пар взлетает куренье
Прямо в Фортку — на небо, где Бог.
И завтра воскресное пенье
В храме слышно без лишних тревог.

Там горят светоносные свечи
И иконы мерцают со стен.
Это образ Руси человеческий,
Преклоняющей много колен.

Это светлая наша надежда
И глубокая вера в Христа.
Это святость души и одежды,
Что в заплатках, но строго чиста.

И пойду поклонюсь я со всеми
Перед образом Бога святым,
И с народом паду на колени
Перед ликом Его красоты.

Обновляется сердца утроба
И Россия, как верится мне,
Восстает из кровавого гроба
В светозарной молитве тишине.

И по храмам идет покаянье.
Причащается верный народ.
То пред Богом Агнусом предостоянье,
Православная служба идет.

И подам за умерших записку,
Чтобы с нами, надежды полны,
Не покажи у Господа нека
С позоре кремленной страны.

Чтобы нам из земли помогали,
Чтобы с неба молились за нас,
Чтобы верили в нас, чтобы знали —
Над Россией всеведущий Спас.

Он поможет нам в нашу годину
Перед ликом тревожной земли
Путь найти на потребу едину
И служить своему Господину,
Как пчеловники наши могли.

1992

ЗА ОБЕДНЕЙ

День воскресный. Солнце сияет.
Совершенная слагадоть.
Вот и слагосвет осеняет
Всю округу — рукой подать.

Колокольный згон пробуждает
Сердце, душу и мысли свет.

Значит мысль моя не блуждает
И былого сомненья нет.

С горки дети летят на санках.
Веселится вороний трай.
И душа моя как в служанках
Поминает родимый край.

Православные пеню в храме
Как внимают и слезы льют.
Вот на паперти нищий странник.
И что могут ему подают.

Вот священник служит обедню.
Вдохновенно его лицо.
А народ—то простой и бедный
Окружает его кольцом.

Херувимская. Символ веры.
Всеим народом его поют.
Здесь далече уж запах серы.
Здесь из чаши Христа дают.

И причастники как сияют
И на радостях все поют.
Православные пенье знают,
А пришедшие узнают.

Вот молебен. Молят о здравье,
С спасеньи живой души.
Это русское православье —
Дух, который не сокрушить.

Это сущее воскресенье.
Воскресает народный дух.
Это вера в души спасенье.
Вся душа тут — зренье и слух.

И лампада перед иконой
Ясно теплится, как лучом
Сзаряя свет законный.
Прихожане к плечу плечо.

Тайно молятся и поклоны
Перед Богом в землю владут.
А в округе в детишках склоны
Ледяной горки в снежном саду.

Солнце светится и играет.
И лазурь голуба в снегу.
И озвучен вороньим траем
Сад иск в санках и на бегу.

И иду от обедни к дому,
И святится душа, поет.
День воскресный, сердцу знакомый
Всегда милость нам подает.

1992

ж ж ж

И опять ночь тиха. И снежок.
Я на кухне свет мой зажег —
Освещает пространство в окне.
Будто облак мерещится мне.

И в том облаке звезд не видать.
Но на сердце моем благодать.
Светит мне со двора лишь фонарь —
Немигучая электрояр.

Ночь тиха. И на сердце как мир.
Не шелохнет воздушный эфир.
Облак движется к северу. Там
Чуть мерцает полуночный храм.

И на нем тихо блещут кресты.
Затаен от такой красоты,
Умиряется верою дух
И душа превращается в слух.

Нет ни звука в пространстве большом,
Будто Ангел над домом прошел.
И молчанье, молчанье в душе.
С Богом мы примирились уже.

1992

НОЧЬ ЗА СТИХАМИ

Тишина. Благодатная ночь.
Спит жена, спит земля, спит и дочь.
Я не сплю. Я на страже стихов.
Бог-то знает, что я не тихонь.

Петербург. Тускло светится храм.
И блаженная Ксения к нам
Завтра с древней клюкою придет
И к кровати твоей подойдет.

Спи, дочурка. Ведь папа не спит.
У него процветающий вид.
Все послал нам, что нужно, Господь —
Бодрый дух и безмолвную плоть.

Я сижу, сигареты курю
И предчувствую к нам благодать.
Что тебе я, малыш, подарю?
Ведь теперь я могу не страдать.

Петербург возрождается. Свет
С небеси к нам как дверь приоткрыл.
Пусть еще у нас многого нет.
Но довольно с нас ангельских крыл.

Тайно Ангелы к нам подойдут
И подскажут на страже своей
Что нам сделать в себе, ведь живут.
Благодать. Обнадежен я с ней.

Возрождается питерский люд.
В храме крестят младенцев своих.
Всюду храмы полны там и тут.
Обойду я со Ксенией их.

Всюду свечку поставлю и дам
Что-то нищему люду с душой.
Бог храми — мне ответят. И храм
Отзовется мне тайной большой.

Здесь так истово свечи горят.
И душе хорошо, хорошо.
И иконы как строятся в ряд,
Будто сонм здесь небесный прошел.

Небеса нам открылись уже.
Покаяние в храмах идет.
И в своей огляжусь я душе.
Слова правды бессмертная ждет.

И у Бога прошу, чтоб открыл
Мне уста для великой хвалы,
Ведь талант мой не пропил, не скрыл
И ушел клеветы и жулы.

Мне довольно, что жив я еще
И бессмертье как светится мне.
Оглянусь — Петербург за плечом —
Медный всадник на медном коне.

И бежать мне не надо. Я свой.
Здесь мой дом и великий народ.
Пой, душа моя, ласточка, пой,
Ведь весна у ворот, у ворот.

Скоро птицы вернутся и дочь
Познакомится с ними вблизи.
Я один. Благодатная ночь.
С неба свет засквозил, засквозил.

1992

СПОЗРАНКУ

Утро раннее. Спит Петергоф.
В даль глухую бредут фонари.
Не найти просыпанию слов.
Темный час до восточной зари.

Я один над пространством в окне.
Предо мною трубою дымит
Здесь ночная котельная. Мне
Открывается парковый вид.

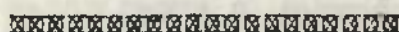
За стеною чернящих дерев
Бледный город встает вдалеке,
Как проснуться еще не успев,
В желтом зареве, будто в бенке.

Далеко электричка стучит.
Вот автобус проехал вдали.
И душа над пространством молчит —
Как мерцают в ней грез хрустали.

Вот и радио. Санкт Петербург.
О погоде с утра говорят.
Олимпийский на Западе тур.
Игры звездами спорта горят.

И опять все затихло. И в сон
Тянет окна далеких домов.
Зимний день задает уже тон.
Скоро солнце проглянет само.

1992

О Л Е Г
О Х А П К И Н

Алексей и Мирослав Андреевы

Санкт-Петербург

Зима 1989 г.

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Памяти Даниила Андреева

Если есть Небесная Россия,
То легко найду на карте той
Очертанья Родины Святой,
Те же имена ее простые:

Киев, Петербург, Москва, Печоры,
Саров, Брянск, и Новгород, и Псков.
Те же раки, рубежи и горы,
Имена народов и веков.

И насколько украшена ни будет
Эта преднебесная страна,
Утлые найдутся времена,
О которых жизнь моя не судит.

Всё нищает в них: земля и небо,
Горы, недра, бывшие леса.
То ли недород живого хлеба,
Но скудеют в нивах чудеса.

Что же говорить о том сегодня!
Узнаю и плачу, и молчу,
И гляжу в затылок палачу.
Да свершится срок Суда Господня!

Но и тем подарен я, быть может,
Что живу в стороне на Неве.
Вы, читатель, устарились тоже.
Сколько посторонних сыновей!

Родина, Небесная Россия!
Да простится наша немота,
Только Русь давно уже не та,
И молчат, молчат ее святые.

Что же, дар молчанья — дар терпенья.
Но доколе ждать нам в стороне?

В небесах ли петела хрипенья,
В храмах ли земных страстное пеня,
Но Христос воскреснет в сей стране.

Русской дружиной Музе

Слушай, Муза, глаголы, сдружившие мужество с грустью!
Не гляди на меня исподлобья безбрежную Русью!
 Не зови на блаженные древних пиры!
 Разыгралась труба современной и гневной поры.

Слышу дальние, бронегудящие гулы.
 Перед ними поэты предслышат седые глаголы.
 То ли вьется в пространство и время трубит,
 Но Куликово поле рыдает за тех, кто убит.

Пой, дружиновая Муза, над речкою нашей Непрядвой!
 Не гляди так тревожно! Не надо грустить!
 Ты же, русский Пегас, над душою ушами не прядай!
 Речь отцов, мы сумеем тебя защитить!

1973

Ключи Н е п р я д в ы

В. Порешу

Отцы и сратья!
 Ради Господа подвизайтесь
 за веру христианскую
 и святую Церковь:
 смерть тогда не в смерть,
 а в жизнь вечную.

Князь Дмитрий Донской

I.

Давно ли в сумерках донских

Тишь разрывали на куски

Снаряды?

На этот счёт молчат года,

Лишь помутятся иногда

Ключи Непрядвы

Темна таинственная течь,

Точь-в-точь пророческая речь

Пейзажа.

Степная темная струя

течет с кончара остря,

Как Парки пряжа.

Кто б ни был здесь на берегах

Старинных:

Мещера, меря, голодь, финн

Иль грозный вятич-властелин,

Москаль татарину рекох,

И слушал в глинах.

С тех пор струит Непрядвы ключ

Воинственный московский клич,

И беси

Ощерились по сторонам,

И оцетинилась страна

Степей, полесий.

Давно ли здесь гремела сталь

И возносился пьедестал

Тирана?

На этот счёт молчит поток.

Опять прищурился Восток

С экрана.

Но день за днем из родника

Точится грусть. Сочит река

Предвесьтя, сроки

И наполняет веций Дон
И к устью устремляя стон.

2.

Еще тиха донская ночь,
Еще тепла,
Но времени стусилась мощь.
И лунный лик смертельно тощ,
И светляки окрестных роц
Горят дотла.

Вечор кричали кулики,
Смеркалась даль.
С полночи от степной тоски
Завыли волки у реки,
И войску русскому в виски
Стучится дол.

Не спится. Сила в тростниках
Стоит окрест.
И всё, что сбудется в веках,
Слегка пульсирует в руках,
Покамест чист речной рукав
Сих птичьих мест.

Ведун Боброк припал к земле
И замер весь.
Что слышит он? --
Подземный стон
И зов девицы там во мгле.
Начнется здесь.

Два раза припадал Боброк
И слушал Русь.
В ее груди стучался Рок,
Но иссякал тяжелый ток,
И азиатской кровью впрок
Питалась грусть.

И в первый раз он слышал мать,
Ее грудной
И скорбный, скорбный и родной
Глубокий голос недряной,
Как будто шел он стороной...
Куда? -- Как знать!

И мурзаметцной речи рык
Бурлил, точь-в-точь гнилой арык.
Он клокотал
Густою пеной всех кровей,
Но осекался в мураве
И дёрн питал.

И во второй звучало раз,
Как будто причитал и гас
На глубине
Девичий, плачущий в тоске,
Как бы Непрядва на песке,
Дочерний голос, храп коней
И трубный глас.

И князю Дмитрию Боброк
Поведал слух земной и рек:
"Послушай, князь!
Се волки. Чуешь? Волчий вой
Нам предвещает не впервой
Руду дружины боевой.
Но Бог за нас".

И Дмитрий молвил, погрузившись:
"Такою ночью Божий гнев
Исполнит срок."

С Востоком встретится Восток.

Завтра бой. Да будет так!

Поспи, Боброк!"

1975

W.

Мамай, Ягайло и Олег
Стоят меж рек.

Непрядва, Дон, Солова, Мечь.
Уперта, Права и Упа...

Поля вчера из-под серпа
Кровище встречъ.

Олег, Олег, твоя Рязань
Глядит, больна как бирюза
В пыли дорог.
Стыдом опятнаны глаза.
В церквях темнеют образа.
Рудеет влог.

Чашарник зелен и багрян.
Сентябрь мглы.
Проснулась кованая рать.
Стяг багрянится. Пробил час.
В лучах Нерукотворный Спас.
Трубе играть.

Труба серебряная. Слышь!..
Свежеет утренняя тишь.
Великий день.
Над полем вековая мгла.
Тропа Истории легла
В дубравы сень.

И с печенегом Пересвет
Сшибутся. И орда в ответе
Багря поля,
Пройдет оружием слепым
До исторической тропы.
Терпи, земля!

Владимир князь в дубраве той
Рассвет встречает золотой.
При нем Боброк.
Олег, Олег, Солотча спит,
А на Дону среди раки
Песок багров.

Тогда, второй броней зван
Богоизбранного дня,
Владимир князь
Воздвигнет Бога знамена,
И повернутся времена
Ордою в грязь.

День Богородицы кровав.
Непрядвы ров
Уж приготовлен. Воронье
Среди орлов.
И под стремительным конем
Отрава трав.

И стяги на ветру режут.
Гремит река.
Земные раны заживут.
Но то, что совершилось
Бессмертной правдой названо
Народы и века.

1977

БОДРАЯ ОСЕНЬ

А. Огородникову

Бодрая осень. Куликовых глин
Ультрамарины и охры легли
Ярко пылают осины кармин.
Уголья пашен сверкнули вдали.
Вся пережжённая умбре долин
Чуть серебрится в осенней пыли.
Стяги полощут, и рек хрустали
Переливаются в илах земли.

Чу! Разыгрались трубы в крови.
Войско Донского. Вострубленный сбор.
Или то в кронах ликующий бор,
Горние громы, шорох травы?
Сосен ли, копий качается лес,
Или дубравы гремящих небес

Олег Охупкин

Ключи Непрядвы

()
В тучную землю живой урожай
Мерно сыпают, в наверхьях дрожа?

День Богородицы. Русский простор.

Днесъ листовая кровавая весть
Мощь возвестила соборную месть,
Бодрую осень, крепкий мажор.

Хор изумрудов сентябрьских дубрав.
Жар златокованных княжеских лат.
Смертию бранную гибель поправ,
Тихо ржавеет в оврагах булат.

Выйду в открытое поле навстречь
Бодрой стихии, сверкающий меч
Жёлтой истоме в смертельную грудь
Здесь, на Куликовом поле воткнуть.

1977

ПОЛЕ ВОСКРЕСЕНЬЯ

Е. Вагину

Опять над полем Куликовым...

А. Блок

Опять неистовая сила
Стустила смертоносный мрак,
И кровь собора возвестила:
"На христиан восстанут враг".

Опять пророчественный Церкви
Ударил колокол в сердца:
"Отбросьте страх и рабства цепи,
И стойте в правде до конца!"

И вся Небесная Россия --
Соеор Христолюбивых сил --
Молитвы жаркие усиля
Крепит, чтоб Дух нас воскресил.

И конь Микулы ржет в упряге,
И просит оранного седла,
И плещут на Путивле стяги,
И Лавра Троицы светла.

И в Киеве глядят святые

+ + + + + + + + +

На землю русскую с высот,
И брони воинов литые
Вновь на Дону секут осот.

И в Дон стекаются отсюда
Быстрины кованной руды,
И, уподобленное блюду,
Блестит поле -- ждёт беды.

Завтра пиршественной кровью
Росистый дол окровавлен,
И Лик рассеченною бровью
Глядит из гробовых пелен.

Христос, мы жаждем
Воскресает
И пали с верою, и ждем
Да воскресит вино спасе
И тех, кто к полю
пригвожден

1978

КОНЬ СВЯТОГО
ГЕОРГИЯ
ПОБЕДОНОСЦА

Ю. Петровичу

Прекрасен конь Георгия. Как дух
Повис в метафизическом пространстве,
В простом и ослепительном убранстве
Иконописный образ не потух.

Конь фыркает и скачет, глаз косит
И радуется всаднику-герою.

И дух его пред нас подобен бою
С драконом, над которым он висит.

И всадник право правит сим конем.
Духовный взлет, и копием сверкучим
Пронзенный призрак змия злобной тучей
Склубляется и, молнийным огнем
Палимый, богохульствует вотще.

Святой Георгий в огненном плаще
Проносится над ним, одетый в бурю,
На вороном грохочущем коне,
На лбу крестообразно брови хмура,
Из века в век на храмовой стене.

И этот конь, то вороной, то белый,
То красный, полыхающий как шар,--
Суть горный дух победы. Воин смелый
Вскормил его под пламенем Стожар.

В ночном -- земной и бдительной молитвой
Он освящен хозяином своим,

И духовной праведною битвой
Бессмертен стал, от гибели храним.

Сей конь глядит на нас не конским ликом --
Духообразным боя торжеством,
Да победим в борении великом
Ползучее греха лжебожество.

Так всяка тварь, служению Господню
Бысть призвана, пусть подвиг совершит
И освятится сим и посегодня,
И в вечности, где путь свой завершит.

1978

